
Настроение другого начала в работе Хайдеггера «Вклад в философию События»

© 2019 г. Я.Э. Мановас

Институт философии РАН. Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: yanina-manovas@yandex.ru

Поступила 24.11.2018

Статья посвящена анализу непереведенного на русский язык произведения Хайдеггера «Вклад в философию События», созданного в 1936–38 гг. и опубликованного в 1989 г. В 2019 г. исполняется 30 лет со времени публикации этой работы, целью которой для Хайдеггера была подготовка перехода от метафизики, или первого начала, к другому началу, бытийно-историческому мышлению. В статье предпринята попытка выявить скрытую взаимосвязь между настроением сдержанности (основным настроением другого начала) и ницшеанской воли к власти. Поскольку Ницше, в прочтении Хайдеггера, завершитель метафизики, хайдеггеровская мысль во многом является ответом на идеи Ницше. В статье рассматривается ницшевская интерпретация воли как аффекта, страсти и чувства и хайдеггеровская интерпретация настроения сдержанности как «воли».

Ключевые слова: Хайдеггер, Ницше, бытие, другое начало, настроение сдержанности, воля к власти, «большой стиль».

DOI: 10.31857/S004287440006057-7

Цитирование: *Мановас Я.Е.* Настроение другого начала в работе Хайдеггера «Вклад в философию События» // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 189–199.

The Other Beginning and Its Attunement in Heidegger's "Contributions to Philosophy (From Enowning)"

© 2019 г. Yanina E. Manovas

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str.,
Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: yanina-manovas@yandex.ru

Received 24.11.2018

Heidegger's work "Contributions to philosophy (From Enowning)", composed in 1936–38 and published in 1989, is considered his second (after "Being and time") major work. The main task of the book is to prepare the transition from metaphysics to the other beginning of thought, being-historical thinking, and "to prepare" means here "to attune". The article reveals the implicit connection between the attunement of reservedness, the grounding attunement of the other beginning, and Nietzsche's will to power. Consideration of the grounding attunement of reservedness brings to light its connection with Heidegger's reading of Nietzsche. Nietzsche's philosophy is for Heidegger the completion of metaphysics, and the way to the other beginning goes through the implicit dialog with Nietzsche. The will to power is interpreted in the article as an attunement, and the attunement of reservedness, in turn, is interpreted as a will. The grounding attunement of reservedness as a "will" is the counter-attunement and a counter-will of the will to power. Reservedness as a style is a "counter-style" of Nietzsche's *grand style*. It is not the style of an organizing "strong hand", not the grip of the iron will, but the setting free and letting go of the ungraspable.

Key words: Heidegger, Nietzsche, being, the other beginning, attunement of reservedness, will to power, "grand style".

DOI: 10.31857/S004287440006057-7

Citation: Manovas, Yanina E. (2019) 'The Other Beginning and Its Attunement in Heidegger's "Contributions to Philosophy (From Enowning)"', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 189–199.

«Вклад в философию События»: композиционные и стилистические особенности

В 2019 г. исполняется 30 лет публикации работы Хайдеггера «Вклад в философию События» [Heidegger 1898], созданной в 1936–38 гг. и опубликованной в 1989 г. Написанная «в стол», не на публику, эта книга стилистически одна из сложнейших у Хайдеггера. Это Хайдеггер, говорящий «без оглядки», вернее, позволяющий сказать через себя тому, что хочет себя сказать [Vallega-Neu 2003, 3, 115]. Язык этой книги «тёмен» и непривычен от своей простоты и *для* простоты. Сказать «то же самое» каким-то более привычным языком – длиннее, сложнее или вовсе невозможно. (Почему никогда не удаются попытки пересказать Хайдеггера? Именно поэтому). Хайдеггер то ли топчется на месте (в книге много повторов), то ли идет семимильными шагами, иногда в каждом слове содержится так много, что пробела между словами и строчками недостаточно, чтобы сделать вдох. Ждать, что Хайдеггер «развернет» эти слова в дефиницию – бесполезно и смешно. Их развернет пространство хода мысли, они развернутся по ходу.

Здесь нет привычного линейного развертывания, книга представляет собой собрание фрагментов разной длины, объединенных в восемь частей (1. Взгляд вперед. 2. Отклик. 3. Сопровождение. 4. Скачок. 5. Обоснование. 6. Настающие. 7. Последний Бог. 8. Бытие) [Бибихин 2009, 496]. Фрагменты связаны между собой не столько последовательно-линейно, сколько принадлежностью общему пространству. Основные темы повторяют себя, словно один и тот же огонь вспыхивает в разных точках этого пространства.

Хайдеггер называет строение этой работы *фугой* (Fuge) [Heidegger 1989, 59]. Так, в фуге тема (музыкальная) звучит то в одном голосе, то в другом, в разных звуковысотных позициях, в разных «местах» звуковысотного пространства. Немецкое слово Fuge значит «сочленение, стык», в данном случае — это состыкованность, взаимосвязь разбираемых в книге тем. Эта взаимосвязь не статична, а динамична, как музыкальная форма. В фуге тема являет себя, когда ее приносит течение музыкального времени; у Хайдеггера главная тема (бытие как Событие) появляется, когда ее приносит ход мысли.

Это непривычный «непедагогический» Хайдеггер, большая часть произведений которого — лекционные курсы, в которых он терпеливо и медленно ведет слушателей. Или это *другая* педагогика? Так бросают в воду, чтобы научить плавать — и Хайдеггер бросает в безопорность другого начала, лишая всех привычных ориентиров и опор.

Первое начало и другое начало

Задача работы «Вклад в философию События» — подготовить переход от метафизики, или первого начала, к другому началу. И подготовка перехода состоит «...не в предоставлении предварительных сведений, из которых потом раскроются собственно познания, но подготовка здесь значит: проложить путь, поставить на путь, в сущностном смысле — *настроить*» [Heidegger 1989, 86]. Переход совершается по пути, прокладываемому самим переходом в пространстве, открываемом самим путем.

Первое начало — вся история европейской философии [Heidegger 1989, 423], все это «первый такт» истории бытия; то, что до него — одновременно возможность того, что будет после него. То, что «за тактом» первого начала — другое ему («единственно другое единственно первому» [Heidegger 1989, 5]), которое раньше него, его скрытое им же основание. Возвращение к этому основанию — возвращение не к началу, а к тому, что до начала [Heidegger 1989, 59].

Все, что для первого начала, само собой разумеется и как само собой разумеющееся, не попадает в поле зрения, в другом начале ставится под вопрос и в центр внимания. «Само собой разумеющиеся» определение бытия, имплицитное понимание бытия в метафизике, по Хайдеггеру, таково: бытие есть постоянство присутствия [Heidegger 1989, 423–425]. Для другого начала это «определение» — не надисторическая, вечная сущность бытия, а *определенное* его понимание, фиксация его сущности, его закрепленное фиксированное истолкование. Само событие фиксации, как и то, что до него, из поля зрения первого начала выпадают. Первоначальные (из первого начала) определения бытия на него наложены мыслью, а не «считаны» с него, они не его собственное существо, а его истолкование, понимание, определение. До события определения — исходная неопределенность, «неразрешимость». *Событие бытия* в другом начале — высвечивание бытия как уклоняющегося от определений, отказывающегося в определении.

Мышление другого начала возвращается к этому доначальному. Не к «архаическому», музейно-античному, задача здесь не в том, чтобы «вернуться к грекам», а в том, чтобы вернуться к тому, что «до» них — не хронологически — к тому, из чего они исходили и от чего ушли, к тому, что за ними уже не видно. Это не возвращение к тому, что когда-то уже было (как реализованная возможность), а к упущенным возможностям, не к чему-то, когда-то бывшему, а к небывалому [Heidegger 1989, 59].

В другом начале происходит смещение внимания с сущего на бытие [Ibid., 6, 429], и не какое-то «другое» учение о бытии, а на *вопрос* о нем, не на какое-то другое (по сравнению с первоначальным) знание о нем, а на незнание, на открытость вопроса [Ibid., 10].

Для первого начала бытие — самое обобщенное и содержательно самое бедное понятие, общая характеристика сущего. Для другого начала бытие — вопрос, сама открытость вопроса, отказ от фиксирующих определений, уклонение от понятийной хватки [Ibid., 29].

Другое начало мысли как начало другой истории — альтернатива технической цивилизации, путь «назад» из технического мира, но не в смысле возврата к чему-то, бывшему до него. Нет, это не возвращение из городов в сельскую местность к какой-то пастушеско-земледельческой эко-идиллии (как иногда думают наивные читатели). Это возвращение не к чему-то архаическому, а к самому *arche*, к началу, которое до всяких начинаний. Другое начало исходит из незнания того, «что такое» бытие, кто такой

человек, незнания цели истории, в том ли она, чтобы человек «стал господином земли», в бесконечном ли техническом прогрессе или в чем-то другом [Heidegger 1989, 11, 34].

Переход от первого начала к другому началу — путь в пространстве, которое *начинает быть* вместе с самим путем [Ibid., 4]. Это переход путем, который прокладывается шагами самого перехода, переход от знания (о бытии, мире, человеке) к незнанию (и не просто еще-не-знанию, а к незнанию как оставлению лакун, пробелов, пробиванию брешей в сплошном массиве знания, чтобы дать место быть тому, что другое всему известному), переход от фиксированных истолкований к самому пространству возможных истолкований и фиксаций.

Мы не будем разворачивать здесь основные понятия Хайдеггера (событие, *Da-sein*), они не могут быть развернуты вне того пространства, в котором они живут и дышат. В работе о Хайдеггере невозможен (неэффективен) обычный путь изложения: сначала дефиниция основных понятий, потом линейное разворачивание «концепции», это было бы даже комично. У Хайдеггера такие дефиниции отсутствуют, основные понятия проясняются (или остаются вызывающе непроясненными) по ходу мысли. Опереться на них не удастся, они не предоставят опоры, они, скорее, наоборот, останутся зияющими пробелами-провалами, неопределенными величинами, открытыми вопросами. Опорой (*Grund*) будет основонастроение (*Grundstimmung*) [Бибихин web].

Лучший (или единственный) способ войти в пространство хайдеггеровской мысли — *введение в основонастроение* [Бибихин web]. Если мысль высекается из основонастроения каждый раз заново, а без него она пустая оболочка [Heidegger 1989, 21]; если настроение — это «распространение пульсации бытия как события» [Ibid., 21], то именно через вопрос о настроении можно приблизиться ко всем остальным вопросам Хайдеггера.

«Бой с тенью»

Еще одна особенность этой книги — тайное присутствие в ней Ницше, незримый бой с ним. В боевых искусствах «бой с тенью» — сольное выступление, бой с отсутствующим противником, движения которого можно «прочитать» по движениям бойца. Ницше — любимый враг Хайдеггера и один из главных его собеседников в 30–40-е гг. Мы покажем некоторые движения этого боя, диалог с Ницше, явный и тайный: явный, так как отсылки к Ницше на поверхности, ничем не скрыты, и тайный, так как Ницше упоминается намного реже (несколько раз на протяжении пятисотстраничной книги), чем имеется в виду, и присутствует чаще, чем попадает в поле зрения. Движение Хайдеггера противонаправленно-скоординировано с движением (ходом мысли) Ницше, и в этой противонаправленности часто едино с ним.

Почему именно с Ницше происходит этот невидимый бой? Ницше для Хайдеггера — завершитель метафизики, первого начала. Поэтому другое начало, преодолевающее метафизику, начинается как размежевание с этим близким врагом.

Сдержанность как воля

Итак, главная задача этой работы Хайдеггера — подготовить переход к другому началу, причем «подготовить» здесь значит «настроить». Основное настроение другого начала — сдержанность. (Кроме сдержанности, Хайдеггер называет настроениями другого начала испуг, стыд и предчувствие, мы не будем их здесь рассматривать.) [Бибихин web] Наше предположение заключается в том, что *сдержанность* является *противонастроением* воли к власти. Слово «противонастроение» мы берем из «Бытия и времени»: «...овладеваем настроением мы никогда не внешне, но всегда из противонастроения» [Хайдеггер 1997, 136].

Основания для этого предположения следующие: 1. Хайдеггер сам называет сдержанность «волей» [Heidegger 1989, 15] (именно так, в кавычках, то есть в каком-то особом, непрямом — или обратном — смысле). 2. Ницше называет волю к власти аффектом, страстью, чувством — у Хайдеггера все это производные от более исходного феномена настроения. 3. Хайдеггер читает Ницше как завершение метафизики. Переход к другому началу осуществляется как преодоление метафизики, противодвижение ей.

4. Основанием является непсихологическая и неантропологическая интерпретация воли и настроения у Ницше и Хайдеггера, обычно рассматриваемых как психические феномены. В связи с этим последним пунктом возможное возражение на наше предположение: «Воля и настроение – разные психологической функции», – видится бессмысленным. И Ницше, и Хайдеггер заняты не исследованием человеческой психики.

Есть традиционная антропологическая схема (идущая еще от греческой традиции и принятая в раннехристианском богословии): человек состоит из тела, души и духа, а душа – из трех «сил», или способностей – разума, чувства и воли. В европейской философской традиции доминировало истолкование человеческого существа из разума (он *animal rationale*, рациональное животное), есть еще волюнтаристское истолкование (Шопенгауэр, Ницше) а Хайдеггер якобы заменяет все это «метафизикой чувства». Хайдеггер, как и Ницше, не занимается перетасовкой карт внутри традиционной колоды, его задачи масштабнее.

Воля к власти как аффект

Согласно Ницше, воля к власти есть «аффект повеления», «изначальный аффект». А все аффекты – «виды воли к власти» [Хайдеггер 2006, 43–45]. Ницше не развертывает эту мысль, не проясняет, что такое аффект. Аффекты – виды воли к власти, а воля к власти – форма аффекта – здесь круг. Как это проясняет Хайдеггер?

Быть в состоянии аффекта – быть «вне себя», в «ис-ступлении из себя» [Там же, 47]. Но воля и есть «воление за свои пределы», себя превосмогающее и превосходящее. Воля к власти есть изначальный аффект и форма всякого аффекта, потому что *ее* «форма» – самопревосхождение.

Über-sich-hinaus-sein, сверх-себя-бытие – часто повторяющееся у Хайдеггера – не определение, а «раз-определение» человеческого существа (человек, по Ницше, «неопределившееся животное», эти слова Хайдеггер тоже часто повторяет). Человек никогда не определяется тем, что в нем есть как его наличный состав, тем, что в нем состоялось, он «определяется» (раз-определяется) из своего возможного, никогда не совпадающего с «действительным», наличествующим, данным.

В одном из поздних интервью Хайдеггер говорит: «Всякий человек есть как себя-превосходящий, то есть как *сдвинутый (тронувшийся, с-ума-сшедший)*». Он всегда *не в себе*, всегда куда-то *тронулся* (рванулся к какой-то цели), и в этом смысле всегда в состоянии аффекта. (Одно из хайдеггеровских «определений» философии: она есть «с-ума-сшествие», «сдвинутость» человеческого существа) [Бибихин web].

Воля к власти как страсть

Ницше называет волю к власти также страстью, не разъясняя отличие ее от аффекта. И здесь для нас важно не их различие, а то, что хайдеггеровское истолкование страсти добавляет к пониманию черт воли к власти как настроений, которые будут важны при разборе основонастроения сдержанности.

Страсть – «...то, через что и чем мы утверждаемся в самих себе и пронизательно овладеваем сущим»; она «...собирает наше существо воедино и возвращает его на исконную почву» [Хайдеггер 2006, 50]. Здесь важна черта собирания воедино: настроение *сразу* открывает целое (мир) [Хайдеггер 1997, 137]. Воля к власти как страсть открывает ту или иную перспективу мира в целом.

Страсть возвращает нас на исконную почву, на начальное основание, в свое собственное существо: это ницшевское «Стань тем, что ты есть!» Как соотносятся ис-ступление из себя аффекта и возвращение в себя страсти? Они направлены в разные стороны? Нет, «Стань тем, что ты есть» говорит скорее о том, что чтобы вернуться к себе (стать), из себя (еще-не ставшего) надо ис-ступить: из себя исступить к себе. Из какого себя к какому себе?

Из себя-наличного (данного) к себе имеющему быть, возможному. Исступление из себя в исступлении и возвращение к себе – одно и то же движение (вариация В.В. Бибихина: «Чтобы найти себя, надо себя бросить»).

Здесь не существенно то различие между аффектом и страстью, что аффект это нечто кратковременное, а страсть длительное. Аффект в масштабе человеческой истории может длиться десятилетиями, если не веками. Здесь важно то, что делает их единым феноменом. Другое различие, о котором говорит Хайдеггер, тоже не радикально: аффект слеп, а страсть зряча. Зрячесть страсти слишком сродни слепоте, страсть видит все в *своем* свете и слепа ко всему, что не освещено ею самой, она ослеплена своей зрячестью. Воля к власти может вернуться в себя только через возрастание как исступление из себя. Исступление есть возвращение, поэтому воля замкнута в кольцо возвращения в себя и утверждения в себе.

В.В. Биbihин говорит о полярности ключевых понятий Ницше [Биbihин web]. Так, воля к власти — это «инстинкт протоплазмы», выбрасывание вовне ложноножек, проекций для захвата *всего*. И одновременно это собирание в себе как воление себя, изъятие из мира проекций своих идеалов, вбирание в себя всего своего. (Наше предположение: полярности смысла ключевых понятий Ницше соответствует амбивалентное отношение к нему Хайдеггера: Ницше его самый родной и любимый враг). Но эти полюсы в топике Ницше не разбросаны по сторонам пространства, они схлопнулись в одно (это как «хлопок одной рукой» из дзенского коана). (Снята ли этим схлопыванием полярность, и если снята, то зачем *противонастроение*?)

Воля к власти как чувство

Ницше называет волю и чувством «...воление: напирющее чувство, весьма приятное!» [Хайдеггер 2006, 53]. Для Хайдеггера в феномене чувства важны два момента (здесь он повторяет то, что в бытии и времени говорится о настроении) [Хайдеггер 1997, 135–137]: 1. Чувство — это способ, каким мы обнаруживаем себя в отношении ко *всему*, к целому, в том числе к самим себе, способ, которым нам открыто наше отношение к миру. 2. Чувство может как раскрывать, так и скрывать. В зависимости от вида чувства что-то будет видимым, что-то скрытым.

***

Слепота аффекта, зрячесть страсти как видение того, что освещено ее же накалом — то есть тоже своего рода слепота, свойство сокрытия, присущее чувству: что скрыто волей к власти, к чему она слепа в своей перспективной зрячести? Как изначальная форма аффекта она начальная форма слепоты, как страсть она исходное самоослепление, как чувство она исходное сокрытие.

Воля к власти как единственное лицо бытия скрывает собой *другое*. В ее пространстве кроме нее нет ничего. *Другое* ей — в другом пространстве, которое должно быть открыто другой «волей». Как единственное лицо бытия, все собой затмевающее, она слепа к тому, что у бытия может быть и другое лицо, что бытие — это возможность *всегда другого*. Она слепа к *другому*, она же вобрала в себя *всё*; слепа к другому в бытии, потому что оно другое всему, тому *всему*, которое она вобрала в себя.

Если воля к власти — изначальный аффект, сама форма аффекта, страсть, утверждающая нас в нас самих, чувство, ставящее в отношение ко всему, — возможно ли настроение, которое не будет волей к власти? Может ли воля превзойти себя до неволения? Как выйти из ее круга, кольца? Как вообще возможно *другое ей*? Она утверждает нас в самих себе — каких «нас» и в каких «самих себе» мы утверждаемся?

Если человек, существуя в самопревосхождении, всегда раз-определен, всякое его определение недостаточно в силу самопревосходящей открытости его существа — в каких «самих себе» утверждает нас воля к власти? Страсть «собирает наше существо воедино и возвращает его на исконную почву» — какую? Где исконная почва, начальное основание?

В соответствии с этой исконной почвой и начальным основанием «нас» будет определяться (раз-определяться) «наше» существо и его отношение к миру. Если это начальное основание всего — воля к власти, то человек — субъект воли, через которого она волит, он употребляется ее волением. Он открыт (как раз-определенный, «неопределившийся зверь») для любых проектов самоосуществления, но только и именно в качестве субъекта воли к власти, властной организации всего сущего.

Если воля к власти — изначальная форма аффекта и страсть, возвращающая на исконную почву, как возможно настроение, которое не было бы волей к власти? Другое настроение будет, если будем другие «мы» (или другие мы будем, если будет другое настроение, это круг).

Сдвиг в основонастроении — тектонический сдвиг, архи-тектонический (*arche* — начало), катастрофический (*katastrophe* — поворот), поворотный. Это поворот как изменение человеческого существа от субъекта воли к власти — и «субъект» здесь — субстрат, носитель, то, через что волит воля к власти как стихия, как лицо бытия, — к человеку как носителю основонастроения сдержанности, носителю отношения к бытию как тайне, как хранителю (*Wächter*) тайны [Heidegger 1989, 299]. (Хранение здесь не в том, чтобы не раскрыть тайну, а в том, чтобы не закрыть ее мнимым раскрытием, не закрыть открытый вопрос псевдоответом).

***

Попробуем определить основонастроение воли к власти, вариациями которого будут все ее аффекты, страсти, чувства, а потом охарактеризуем ее противонастроение, *сдержанность*.

Воля к власти как настроение

Мы предполагаем, что в качестве настроения воля к власти есть настроение *тотальной мобилизации*. Тотальная мобилизация — настроение? Да, ее можно рассматривать как настроение. в хайдеггеровском смысле этого слова, то есть как *состояние целого*, способ бытия — не только человека, но *всего* (мира). Это включение-вбирание *всего* (*тотальная*) в единую перспективу для броска, рывка, гонки (*мобилизация*) по открытому и заданному этой перспективой пути. Все сущее вобрано перспективой без остатка, тотально, всякое сущее стало указующей стрелкой, словно повернувшись и вытанувшись к цели; все пространство сведено к пути к этой цели, оно рельсы, сойти с которых некуда (или только за пределы *всего*, в ничто).

«Тотальная мобилизация» — Schlagwort, девиз того времени. В книге Эрнста Юнгера «Тотальная мобилизация» [Юнгер web] эти слова имеют не только военно-политический смысл (приведение армии в состояние боеготовности), за этим смыслом проступает и другой слой, сущностный. Например: «Уже недостаточно вооружить лишь мечом, — оружие должно проникнуть до мозга костей, до тончайших жизненных нервов» [Там же]. Тотальная мобилизация — начало, пронизывающее собой всё. И осуществляют ее *не люди*, «она осуществляется сама» [Там же]. Она не действие человеческой воли, она сама — воля, энергия, движущая всем, а человеческое воление — ее инструмент. «Тотальная мобилизация как мера организаторской мысли есть лишь указание на ту высшую мобилизацию, которую проводит в нас время» [Там же].

То есть волящее в тотальной мобилизации есть время? Это антропоморфное, мифологическое истолкование времени? Или хрономорфное истолкование человеческого существа? Скорее второе, так в «Бытии и времени» разные способы осуществления человеческого существа — разные способы временения временности [Хайдеггер 1997, 328].

Здесь важно указание на нечеловеческое измерение человеческого воления и действия. Воля, волящая *через* человечество, строящая и рушащая миры, как гераклитовская правящая молния, вспышкой высвечивает перспективу, в которую ринется, по ее повелению, всё. Она аффект повеления, зрячая слепота страсти, затмение от слишком яркого света. Воля к власти — время, проводящее тотальную мобилизацию — не армии и населения, а всего сущего, мгновение молнии («мгновение» от слова «мигать», молния есть мгновение), мигание божественного ока, освещающего путь.

Сдержанность как воля

Если сдержанность — противонастроение воли к власти, то она и ее противоположность. Что она такое как «воля»? Сдержанность — остановка гонки воли к власти за возрастанием власти, за собой. Отпустить то, что сущностно не дает и не даст себя догнать и схватить, значит быть к нему в более настоящем, ему соразмерном отношении, чем продолжать ловить, упорно делая вид, что это то, что поймать можно.

Сдержанность — отношение к бытию, к тому, что поймать себя не дает [Heidegger 1989, 15]. Это ускользание и уклонение, с одной стороны — отказ: бытие скрывает себя (у Гераклита *physis kryptesthai philei*, бытию любо прятаться). Когда оно себя являет, например, как воля к власти, этим явлением оно скрывает свое сущностное ускользание — оно *не* воля к власти, потому что не только воля к власти, оно *другое*, то, что всегда другое всему.

С другой стороны, именно откровенным ускользанием и отказом бытие как раз дарит себя как ускользающее. Сдержанность — готовность принять отказ как дар [Heidegger 1989, 15]. Поскольку она — отношение к бытию, она есть воздержание от организующих властных манипуляций сущим. Вся система технически организованного мира — все методологии и технологии здесь оказываются не у дел, так как дело здесь в *другом всему*, и это другое техническим манипуляциям не подлежит, они не уловят то, что не уловимо. Всякая пойма, всякий улов будет промахом, ведь поймано будет «что-то», а бытие не «что». Поймать здесь можно только отказом от ловли.

Сдержанность отвечает на уклоняющийся отказ бытия своим отказом-воздержанием от гонки, остановкой. Воля к власти осуществляется в броске в перспективу той или иной возможности, и все сущее в целом вдвигается в эту перспективу, воля к власти разбрасывается на эти броски; сдержанность, наоборот, есть собирание как возвращение к началу, к исходной точке всех этих бросков, проектов, проекций.

Воля к власти — к мощи, могуществу — волит не какого-либо конкретного сущего, она волит возрастания своей мощи, расширения своих возможностей, она волит себя как возрастающей. Поэтому Хайдеггер называет ее волей к воле [Хайдеггер 1993, 180]. Она волит не сущего, а власти над сущим, возможность распоряжаться им. Она волит себя, устремлена к себе в своем самопревосхождении, и поскольку всегда рвется к себе как большей себя — она себя никогда не достигнет и одновременно себя всегда уже достигла (так как она всегда есть только как себя превосходящая, и это непрерывное самопревосхождение и есть она сама). Она одновременно и полная пустота (недостижение), и самая полная полнота (кольцо вечного возвращения). Она предельная гонка за все пределы и беспредельный покой, все пределы в себя уже включивший.

Ницше сравнивает волю к власти с протоплазмой: она выбрасывает в пространство свои псевдоподии (ложноножки), захватывая мир вокруг себя. В противоположность ей, сдержанность — «закон собирания» [Heidegger 1989, 35], собирание, а не распространение и разбрасывание себя. Она — «воздержание от инстинкта протоплазмы» [Бибихин web]. Воля к власти как страсть, тоже собирание: собирание всего сущего в единую перспективу тотального упорядочения и собирание себя как непрестанное возвращение к себе через самопревосхождение.

Сдержанность — «воля», которая сдерживает себя и возвращается в себя из всех эскапад, проектов, проекций, из отношения к сущему в отношение к бытию.

Сдержанность как стиль

Хайдеггер называет сдержанность *стилем* [Heidegger 1989, 15, 35]. Она — *стиль* человечества, укорененного в другом начале, *другой стиль* как другая история.

Как в предыдущем разделе слово «воля» употреблялось в непсихологическом (нечеловеческом, «невнутреннем»), так как воля существо всего) смысле, так в этом разделе в необычном смысле будет употребляемо слово «стиль». Стиль в обычном понимании этого слова — совокупность основных черт произведений того или иного автора или эпохи, то единое, что сказывается во всяком единичном, собирая единичное в целое.

Стиль как совокупность черт — манера, «рука» автора. *Stylos* — палочка для письма по воску, «от руки». Чем рука человека отличается от лапы животного? Лапа функционирует и реагирует согласно инстинкту, то есть заранее заданным способом. Рука способна делать разное, она всегда способна делать и другое тому, что она делает: она — возможность делать *другое*. Ее действия не заданы, а если заданы, то всегда могут быть заданы и по-другому.

По Аристотелю, рука есть «орудие орудий» [Аристотель 1976, 440]. У орудия, как и у лапы, заданная функция. Орудие орудий — возможность орудования вообще, непредзаданное, возможность как «открытость к...».

В «Пармениде» Хайдеггер говорит, что рука есть только там (только у того существа), где есть отношение к бытию [Heidegger 1982, 124]. Рука, как возможность всегда другого, есть только там, где есть отношение к *другому всему*. (Бытие само есть возможность всегда другого переопределения того, что значит быть).

Почему Хайдеггер называет настроение стилем? Попытаемся прояснить это.

Большой стиль

Обратимся опять к Ницше, который тоже говорит о стиле — о «большом стиле». Здесь нас интересует не столько то, что говорит о стиле Ницше, сколько то, как говоря о Ницше, Хайдеггер проговаривается о себе.

Сначала Ницше: большой стиль — «усмирение жизненной полноты», в нем «властелином становится *мера*»; большой стиль — следствие «великой страсти»; его прообраз, классический стиль — «*высшее* чувство власти» [Хайдеггер 2006, 126–127].

«Усмирение жизненной полноты» — наложение аполлонической меры на дионисийскую кипящую полноту жизни. Эта мера — *властелин*, она власть, организующая жизненную стихию, дающая ей направление, перспективу. «Великая страсть» — сама воля к власти. Как это читает Хайдеггер, что значит для него большой стиль и стиль вообще?

Большой стиль надо понимать из первых и последних вещей [Там же, 138], из эпицентра метафизики. Большой стиль есть «...сведение бытия и становления к изначальному единству» [Там же, 139], он «воля к бытию», упраздняющая становление» [Там же, 138–139]. Он высшая воля к власти, он запечатлевает на сущем печать бытия. Хайдеггер понимает большой стиль из основных понятий европейской философской традиции. Стиль это отношение к бытию, он запечатывает печатью бытия всё сущее. Если он высшая воля к власти, печать бытия на становлении, он — «рука» самого бытия, орудующая через человечество, орудующая человечеством как орудием.

Стиль — то, *как* схвачено сущее в целом «рукой» бытия. Это стиль «сильной руки», схватывающей сущее единой мерой, единой упрощающей схемой. Он — сама воля к власти, являющая себя как ответ человечества бытию как воле к власти. Ответ этой воле — «...воспроизвести ее собой» [Бибихин 2002, 158], и схваченный этой рукой человек становится ее орудием.

Итак, большой стиль — воля к власти, являющая себя как ответ человечества бытию как воле к власти. Это один из многих герменевтических кругов Хайдеггера: большой стиль — «...воление к бытию, именно поэтому его сущность раскрывается только тогда, когда решается вопрос о том — причем с помощью самого большого стиля — что значит бытие сущего» [Хайдеггер 2006, 136–137]. Большой стиль решает вопрос, выносит решение о бытии, волением к которому он исходно является. Волением решение вопроса пред-решено (воля знает, что она волит), воля заранее замкнула себя в кольцо, она всегда уже вернулась к себе — и всегда еще должна к себе вернуться, должна снова и снова к себе возвращаться и ставить на сущем печать бытия.

Как схватывает бытие «рука» *другого* человечества — или как другое человечество схвачено рукой бытия?

Основонастроение сдержанности как стиль

Сдержанность как стиль — «рука» другого человечества, укорененного в другом начале, в бытии, открывшемся как скрывающее себя, не дающее себя упорядочить, предрасчитать, организовать. Человек этого человечества — не организатор и покоритель сущего, а хранитель тайны самосокрытия бытия.

Открывшаяся незакрывающаяся тайна (как незакрывающаяся рана) открывается в каждом сущем, всякое сущее показывает собой основную черту бытия, уклонение, отказ открыться как откровенное самоутаивание. Рана, которой ранено всякое сущее, разрыв в сплошной ткани технически организованного мира — незакрывающееся око бытия, глядящее из всякого сущего, окно бытия, брешь в сплошной стене, просвет в лесу сущего.

Истина бытия — его уклонение от схватывающей руки. *Сдержанность* — «отстаивание и исполнение истины бытия» [Heidegger 1989, 33]. Отстоять и исполнить (привести в исполнение, осуществить) эту истину значило бы во всяком отношении к сущему (в действии, мысли о сущем) сохранить отношение к бытию, видеть в любом сущем незакрывающееся око бытия и отвечать ему своим взглядом. Кроме того, это значило бы видеть в сущем не то, что может быть встроено в тот или иной волевой (властный) проект, а то, что несет в себе эту исходную брешь, провал свободы, в который провалится любой волевой проект; это происходит потому, что во всяком сущем, которое попытаются сделать основанием, провал, зияние исходного отказа.

Легче закрыть глаза на эту рану, не смотреть в око бытия, легче ослепнуть в аффекте, в эпилептическом припадке длинной в эпоху, броситься в очередную открывшуюся персептиву организации сущего, — только не эта остановка и неотступный взгляд, говорящий исходное «нет». Легче убить дарителя, чем принять этот дар (так в «Сталкере» Тарковского Профессор хочет уничтожить бомбой Зону, место тайны).

Стиль (как способ отношения ко *всему*) — это способ иметь дело с болью от раны. Иметь дело — не обязательно «справляться» с болью, анестезировать себя, исправлять неполадку. Справиться с этой болью значит перестать иметь с ней дело или иметь с ней дело, как с заглушенной, вытесненной. можно ли вообще иметь с ней дело, не отшатываясь от нее, выносить и нести ее на себе? У Хайдеггера слово *Ertragsamkeit* (вынесение) означает такое отношение к бытию [Heidegger 1989, 298].

Слово «больно» употребляется в значении «очень». Больно то, что *очень*, что чрезвычайно. Самое чрезвычайное из всего — другое всему, бытие. «Метафизически-техническая реакция на боль» [Хайдеггер 1993, 181] — анестезия, попытки засыпать зияние, закрыть рану бытия.

Возможно ли существовать в пространстве этой боли, идти ей навстречу, а не бежать от нее, слышать, что она скажет? Есть поговорки: «Где больно — *там рука*, где мило — там глаза»; «Где больно — *хват да хват*, где мило — глядь да глядь». Рука, схватывание — напрямую связаны с болью. Всякая понятийная хватка и всякий властный волевой захват — реакция на исходную боль. «Рука», стиль — там, где больно, где бытие, незакрывающаяся рана. «Рука» пытается схватить бытие, уклоняющееся от хватки.

Здесь хватка состоит в том, чтобы отпустить, поймать и схватить значило бы как раз упустить, здесь схватывание возможно только как несхватывание. По словам В.В. Библихина, «...нужно отучиться от хватательных движений при чтении Хайдеггера» [Библихин web]. Сдержанность — «рука» отпускающая, а не держащая, удерживающая отпусканьем.

Сдержанность как стиль — школа несхватывания. Условие владения этим стилем — «радикальная школа настроения» [там же], само настроение сдержанности как *школа*. Греческое *schole* значит «остановка». В немецком *Verhaltenheit*, «сдержанность», корень *halt*, одно из значений которого тоже остановка. Сдержанность — школа, как остановка хватательного, захватного движения воли к власти, хватательных практик и техник, отказ от них в пользу несхватывания.

Такое знание действительно знает, когда знает, что оно *не* знает. Это знание знания о своем «не». Что ведет к этому знанию, какой путь и какое водительство? Хайдеггер-педагог, в этой «непедагогичной» по своей структуре и стратегии книге, вводит в другую педагогическую практику — основонастроение сдержанности, как школу. Эта школа подобна сократической пайдеи, ведущей мнимо знающего к знанию о его незнании.

Такое знание — не просто информация, сведения, добавляемые к другим сведениям, не добавление неких новых представлений к представлениям все того же представляющего субъекта, остающегося неизменным основанием всех своих представлений. Сдержанность, как *пайдеи*, ведет к знанию, которое есть необратимое изменение существа самого знающего. Это изменение человеческого существа, превращение его из представляющего субъекта (и «субъекта» воли) в держателя «места бытия», сдержанностью держащего его открытым, носителя просвета бытия, хранителя тайны. Хайдеггер называет такое знание бездонным, или безопорным. Оно знает о зиянии, о «нет», лакуне, безопорности.

Рассмотрение темы настроения в работе Хайдеггера «Вклад в философию События» выявило ее глубокую, хотя и не всегда лежащую на поверхности взаимосвязь с мыслью Ницше. Это связано с главной задачей книги: подготовить переход от метафизики к другому началу, причем «подготовить» здесь значит «настроить». Поскольку Ницше, в прочтении Хайдеггера, завершитель метафизики, хайдеггеровская мысль во многом является ответом на мысль Ницше.

Настроение сдержанности как «воля» – противонастроение и противоволя воли к власти. Воля к власти интерпретируется как настроение (Ницше дает основания для такой интерпретации), а настроение сдержанности – как «воля».

Сдержанность как стиль – «противостиль» ницшевского «большого стиля». Она не стиль тотально организующей «сильной руки», не хватка железной воли, а отпущение того, что несхватываемо.

Ницше для Хайдеггера – завершение метафизики, ее квинтэссенция; путь к другому началу проходит для него через диалог с Ницше, и почти каждый шаг этого пути – явный или неявный ответ Ницше.

Источнику – Primary Sources in Russian

Аристотель 1976 – *Аристотель. О душе.* / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976 С. 369–450 [Aristotle. *On the Soul* (Russian Translation)].

Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. М: Ad marginem, 1997. [Heidegger, Martin (1927) *Being and Time*, Ad marginem, Moscow (Russian Translation 1997)].

Хайдеггер 2007 – *Хайдеггер М.* Ницше. СПб.: Владимир Даль. 2007. [Heidegger, Martin (1936–1946) *Nietzsche*, Vladimir Dal', St. Petersburg (Russian Translation 2006)].

Primary Sources in German

Heidegger, Martin. (1989) *Beiträge zur Philosophie (vom Ereignis)*, Gesamtausgabe, Bd.65, Vittorio Klosterman, Frankfurt a. M.

Heidegger, Martin (1982) *Parmenides*, Gesamtausgabe, Bd. 54, Vittorio Klosterman, Frankfurt a. M. (Russian Translation 2009).

Ссылки

Бибихин web – *Бибихин В.В.* Последние семинары. //http://bibikhin.ru/poslednie_seminari

Бибихин 2002 – *Бибихин В.В.* Язык философии. М.: Языки славянской культуры. 2002.

Бибихин 2009 – *Бибихин В.В.* Ранний Хайдеггер. М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы. 2009.

References

Bibikhin, Vladimir V. (2009) *Early Heidegger*, Institut filiosofii, teologii i istorii svyatogo Fomi, Moscow (In Russian).

Bibikhin, Vladimir V. (2002) *The language of philosophy*, Yaziki slavyanskoi kulturi, Moscow (In Russian).

Bibikhin, Vladimir V. *The last seminars*, http://bibikhin.ru/poslednie_seminari (In Russian).

Junger, Ernst (1930) *Total mobilization*,/ https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/170776-ernst-junger-totalnaya-mobilizatsiya.html (Russian Translation 2002).

Poeggeler, Otto (1983) *Der Denkweg Martin Heidegger's*, Neske, Pfullingen.

Vallega-Neu, Daniela. *Heidegger's Contributions to philosophy: an introduction*. http://bookre.org/reader?file=663204

Сведения об авторе

МАНОВАС Янина Эдуардовна – аспирантка сектора Истории западной философии Института философии РАН.

Author's information

MANOVAS Yanina E. – Postgraduate student of RAS Institute of Philosophy (the department of Western Philosophy).